

Библиографическая замѣтка. Къ вопросу о духовной культурѣ въ странахъ ислама.

По поводу и на основѣ работы Martin Hartmann. Zur literarischen Bewegung und zum Buch- und Bibliothekswesen in den islamischen Ländern
Leipzig. Rudolf Haupt 1905

Часто приходится слышать и читать мнѣніе, что натиск западной цивилизаціи на земли ислама угрожаетъ правильному развитію восточныхъ литературъ. Скорѣе дѣло обстоитъ наоборотъ: 150 лѣтъ англійскаго владычества въ Индіи настолько подняли литературную дѣятельность туземцевъ, что не можетъ быть никакого сравненія современнаго положенія съ малою продуктивностью временъ индійскихъ раджъ. Съ тѣхъ поръ, какъ Россія сковала въ одинъ Туркестанскій край, пространствомъ не менѣе цѣлой Германіи, тавскапійскія земли и часть Хоразана и въ Ташкентѣ положила центръ организованнаго управленія, здѣсь явились типографіи для надобностей сартовъ, т. е. туземцевъ. При оцѣнкѣ культурнаго піонерства нужно помнить, что всякое начало—трудно, или что всюду, какъ говорятъ французы, *il faut commencer par le commencement*. Ташкентскія типографіи дали сравнительно лучшіе образцы восточныхъ шрифтовъ, чѣмъ типографскіе опыты *твердаго* духомъ Нуръ—Хаггима изъ Янгихизара, занимавшагося тисненіемъ своего рода восточныхъ икунабулъ въ Кашгарѣ. И для Китайскаго Туркестана наступитъ время массоваго появленія печатныхъ произведеній, но нужно допустить, что Ташкентскія типографіи и тогда превзойдутъ западныя области Небесной Имперіи, какъ имѣющія большій техническій опытъ. Недавно вышедшій въ

Лейпцигъ указатель восточныхъ литературныхъ и лингвистическихъ произведеній предваряется небезынтересною справкою о положеніи книжнаго и бібліотечнаго дѣла въ странахъ ислама, составленною Мартиномъ Гартманномъ. Приведемъ вкратцѣ ея данныя. При рѣчи о книжномъ дѣлѣ въ странахъ ислама на первое мѣсто нужно поставить Стамбуль. Въ 1730 году здѣсь основаль для нуждъ османовъ первую типографію польскій ренегатъ, Ибрагимъ Хакки Еффеиди. Эта типографія Ибрагима превратилась въ государственное учрежденіе, располагающее значительными матеріальными средствами: изъ типографіи вышли многія изящныя изданія, напримѣръ, *Gihannuma Nagi Chalfas* (*Kjatib Celebi*) съ картами. Однако элегантный видъ печатныхъ произведеній изъ государственной типографіи Османлисовъ не соотвѣтствовалъ ихъ внутренней корректности: чуждыя турецкому говору слова, по-преимуществу арабскія, являлись сильно искаженными. Турки, составлявшіе персоналъ наборщиковъ, равно корректоровъ, не совсѣмъ освоились съ новымъ призваніемъ, среди нихъ находились по временамъ люди, безусловно талантливые, но при отсутствіи опредѣленной схемы въ работѣ типографіи, перегруженіи ея балластомъ болѣе чѣмъ посредственныхъ работниковъ, они принудительно зарывали свои дарованія, подчиняясь нивелированію культурныхъ силъ. Нѣкто Юзуфъ Алазиръ изъ Бейрута, занимавшій въ недавнее время (1896) положеніе корректора арабскихъ текстовъ въ Стамбульской типографіи, не выдержалъ недоброжелательности своихъ турецкихъ коллегъ и уѣхалъ на родину, жалуясь европейцамъ на косность своихъ соотечественниковъ, которая мумифицировала книжный рынокъ. Единственно чѣмъ обязана Стамбулу европейская оріенталистика,—такъ изданіемъ восточныхъ классиковъ, напримѣръ Евлія Целеби и вообще древнихъ историковъ, равно каталоговъ нумизматическихъ собраній Имперскаго музея (до сихъ поръ появилось 4 тома) и указателей Стамбульскихъ книгохранилищъ (издано 43 тетради). Что касается до европейскихъ и малоазійскихъ турецкихъ вилайетовъ, то здѣсь ясно выступаетъ летаргія литературной дѣятельности и обслуживающей таковую дѣятельности печатной: въ главныхъ городахъ имѣются лишь печатни для типографирования, а не для набора, а потому и воспроизво-

дятся только стереотипные провинціальныя официальныя акты и дѣловыя бумаги для турецкихъ чиновниковъ.

Обособленное положеніе занимаютъ арабскія провинціи Турціи. Всѣ переѣзжавшіе въ Малой Азіи чрезъ Тавръ замѣчаютъ, что какъ бы переселяются въ новый міръ. Пытливый духъ, какъ средневѣковое сказочное *croissant—crescens* растетъ по мѣрѣ удаленія отъ Геллеспонта и достигаетъ своей кульминаціонной фазы въ Вавилоніи. Однако Иракъ (Месопотамія) не много значитъ въ исторіи восточной цивилизаціи, если исключить изъ своего поля зрѣнія небольшой періодъ: какъ только пало въ прахъ то, что давало Вавилоніи блескъ культурнаго центра,—пышный дворъ халифовъ, намѣстниковъ пророка,—понижилось и значеніе междурѣчья Тигра и Ефрата, это было уже въ эпоху Аббасидовъ. Въ борьбѣ между Шамомъ и Иракомъ, между Сиріей и Вавилоніей, въ ихъ культурномъ поединкѣ побѣдила первая страна, не столько на основѣ абсолютнаго духовнаго превосходства, сколько благодаря своей экономической эволюціи, обусловленной близостью Египта. Если въ Каирѣ падаетъ минаретъ, то касается онъ верхушкою Дамаска, говоритъ мѣтко арабская пословица. Сирію единить съ Египтомъ не одна територіальная близость, но и родственная культура. Для жителей Сиріи Египетъ—страна высшей культуры, въ созданіи которой имѣли участіе и многіе Сирійскіе выходцы. Египтяне богато одарены, легко воспринимаютъ, легко египтизируютъ чуждыя формы, но ихъ идеаль—квіэтизмъ, субботствованіе, безъ погонщиковъ египтяне спятъ. Египтяне—женственная натура. Сирійцы также даровиты, но главное энергичны,—если они и чужды идеализировація своей работы, трудятся не столько ради отдаленной, сколько ради ближайшей цѣли, однако и при своемъ практическомъ индивидуализмѣ въ области культуры, они двигаютъ и общій прогрессъ восточной цивилизаціи. Насколько сѣверные семиты—оптимисты, для которыхъ сладокъ сонъ подъ своею смоковницею, настолько южные семиты дѣятельны, они сторонники принципа — *vivere militare est*. Стремленіе семитовъ въ Египетъ сказалось еще во время Ханаанской эмиграціи евреевъ, и какъ ни тѣснили египтяне пришельцевъ, они настойчиво удерживали свои позиціи и изгнанные возвращались на нихъ вновь. Такая связь дѣя-

тельнаго Шама съ созерцательнымъ Египтомъ принесла богатый ростъ восточныхъ литературъ. Не малое значеніе здѣсь имѣло впрочемъ и виѣшнее вліяніе европеизма. Побѣдоносный походъ Наполеона открылъ доступъ французскому вліянію на Египетъ. Какъ ни ригористиченъ восточный консерватизмъ, впадающій въ стабилизмъ, однако многое безсознательно для народа и его литераторовъ просачивалось въ жизнь восточной страны, причемъ инфильтрація посредствовалась обильнымъ появленіемъ переводовъ съ французскаго (труды Rifaa Bey). Въ предмѣстьѣ Каира Булакъ явилась типографія, съ которой неразрывно связана техническая эволюція въ письменности мусульманскаго міра. Дѣятельность Булакской типографіи была чувствительнымъ барометромъ общественныхъ настроеній. Старинные тексты этой первоегипетской типографіи, своего рода Египетскія икунябулы, теперь рѣдкость, но, встрѣчаясь въ европейскихъ собраніяхъ, они поражаютъ корректностью и детальностью выполненія технической работы. Ибрагимъ Аддазуки, Альбуназръ Альхурини были мастерами своего дѣла въ Булакѣ, но, разумѣется, они, какъ и вообще восточные люди, не приближались къ тексту печатаемой рукописи „mani militari“, не исправляли явныхъ погрѣшностей орфографіи, а только воспроизводили манускриптъ, какъ солнце въ гелиографурѣ. Критическая работа европейскихъ труженниковъ книжнаго дѣла отчасти чужда понятіямъ востока.

Въ Сиріи правильная печатная дѣятельность была введена миссіонерами, сначала американскими (англикане), а съ 1869 года католическими, особенно іезуитами. Послѣдніе въ Бейрутѣ создали такой центръ печатнаго дѣла, что доминирующій надъ городомъ холмъ съ стариннымъ замкомъ, гдѣ помѣщалась эта ассоціація и ея типографія, сталъ духовною цитаделью, державшей въ покорности умы и совѣсть христіанскаго населенія Сиріи. Труды по печатанію восточныхъ текстовъ іезуитами не пропали безслѣдно и для мусульманскаго населенія Сиріи. Благодаря христіанамъ возникли и многія мусульманскія печатни, сначала работавшія предъ европейски — оборудованными мастерскими печатнаго дѣла, а потомъ съ ними успешно конкурировавшія. Въ Сиріи даже явилось перепроизводство туземныхъ силъ, склонныхъ къ книжному дѣлу. Избытокъ

такихъ силъ нашелъ себѣ примѣненіе въ Египтѣ: когда, благодаря ошибочной тактикѣ французовъ, бриты стали повластными хозяевами Египта, имъ понадобилось значительное количество людей, способныхъ понимать мѣстные языки. Они обратились къ коптамъ, но послѣдніе отказались идти на призывъ: они болѣе трудились при дворѣ негуса въ Аддисъ-Абебѣ, чѣмъ содѣйствовали побѣдѣ европеизма. Англичане обратились къ Сирійцамъ, и такъ произошла новая эмиграція Шама въ страну хедивовъ. Сирійцы учили египетскихъ дѣтей и несомнѣнно подыяли мѣстное образованіе, создавъ „naḥ'da arabija“, бросили умственный ферментъ въ стоявшую давно безъ закваски гущу египетской жизни. Изъ такихъ дѣятелей особенно извѣстенъ Гирги Зайданъ. Большинству неврастенически настроенной quasi — интеллигенціи Каира Гирги проповѣдовалъ излюбленную сирійцами истину: въ началѣ было *дѣло*. Глашатыи актуальности имѣль успѣхъ.

Книжное дѣло стоитъ въ тѣсномъ отношеніи къ бібліотечному. Тамъ, гдѣ находятся публичныя бібліотеки, повышается интересъ къ книгамъ, спросъ на нихъ. Стамбуль обладаетъ теперь публичною бібліотекою (kutubchane-i-umumi) въ зданіи недалеко отъ мечети Баязета и Езки-Серая. Хотя каталогъ этой бібліотеки, содержащей рукописи и типографскія произведенія, уже напечатанъ, однако управленіе ею далеко отъ началъ, полагаемыхъ обычно въ культурныхъ странахъ въ основу бібліотечнаго дѣла: здѣсь не собираютъ всего печатаемаго въ Стамбуль. При смутномъ состояніи дѣлъ въ Стамбуль здѣсь врядъ ли и было бы возможнымъ полученіе по экземпляру каждаго произведенія на книжномъ рынкѣ туземнаго производства, съ другой стороны сама администрація бібліотеки не желала бы имѣть „незначительныхъ трудовъ“. Въ Каирѣ сдѣланъ большой шагъ впередъ: великолѣпная бібліотека перемѣщена изъ тѣсныхъ комнатъ въ Дарбъ—Эльгемаминъ въ свѣтлые чудные залы приспособленной постройки на улицѣ Мухаммедъ-Али. Это учрежденіе было счастливо тѣмъ, что стояло съ начала существованія подъ управленіемъ выдающихся ученыхъ нѣмецкаго происхожденія: знаменитаго неоарабиста Шитты, потомъ Фоллерса, теперь доцента въ Іенѣ, наконецъ нынѣ Морица, неутомимаго изслѣдователя книжныхъ

сокровищъ востока, недавно обогатившаго арабистику открытiемъ арабскаго текста Qutadghu Bilik, каковаго сочиненiя только былъ извѣстенъ вигурiйскiй текстъ, находящiйся въ Вѣнѣ. Въ Иерусалимѣ также находится библиотека, основанная въ 1318 году Геджры. Ея motto слова Корана: Развѣ равны тѣ, кто знаетъ, тѣмъ, кто не знаетъ (39, 12). Иерусалимская библиотека возникла по частному почину, какъ значится въ ея каталогѣ; по образцу читальнаго зала въ Иерусалимѣ возникли и другiя библиотеки въ Сирии, напримѣръ, въ Дамаскѣ, причемъ частныя книгохранилища мечетей принуждались жертвовать сюда свои собранiя книгъ и особенно рукописей (ex inopia librorum). Роль европейцевъ въ дѣлѣ охраненiя и открытiя литературныхъ богатствъ востока весьма почетна: они хранятъ эти сокровища отъ самихъ неразборчивыхъ хозяевъ.
